

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т18

Дизайн серии *Андрея Фереца*

Издательство благодарит Л.Н. Козлову за помощь в подготовке книги
В оформлении издания использованы фотографии
из архива автора.

Танич, Михаил Исаевич.

Т18 Нетелефонный разговор / Михаил Танич. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 352 с., ил. — (Зеркало памяти)

ISBN 978-5-17-116717-2

Михаил Танич — прожил непростую жизнь. Воевал, дошел до Берлина, вернулся с победой, поступил в институт — и по доносу получил 6 лет лагерей. Вот тут ему повезло — не погиб, выдержал, возвратился (правда, с клеймом «пораженного в правах»). Работал и прорабом на стройке, и литсотрудником в районной газете... И все это время, начиная с детства, писал стихи. А потом его стихи стали песнями, которым дали жизнь Иосиф Кобзон, Алла Пугачева, Лариса Долина, группа «Лесоповал» и многие другие.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

16+

Литературно-художественное издание

Серия «Зеркало памяти»

Михаил Исаевич Танич

Нетелефонный разговор

Зав. редакцией *Евгения Ларина*

Руководитель направления *Елена Толкачева*

Выпускающий редактор *Яна Юдина*

Корректор *Александра Данилкина*

Верстка текста и вклейки *Алексея Филатова*

Дизайн обложки *Анастасия Чаругина*

Технический редактор *Татьяна Тимошина*

Подписано в печать 20.12.2019. Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 22.

Печать офсетная. Гарнитура Minion Pro.

Бумага офсетная. Тираж 2000 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 – книги, брошюры печатные.

Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2020 г.

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1,

комната 705, помещение I, этаж 7

Наш электронный адрес: www.ast.ru

ISBN 978-5-17-116717-2

© М.И. Танич (наследники), 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

**ИГРАЛА МУЗЫКА
В САДУ...**

Мы так недавно и давно
Дружили с девочкой из хора
И летним вечером кино
Смотрели в щелочку забора.

Играла музыка в саду,
Вот только память позабыла,
В каком году, в каком году
Все это с нами было?

Бегут-бегут за нами вслед
Любви неясные тревоги!
Длинней, чем жизнь, дороги нет,
Но и короче нет дороги.

И как от камешка в пруду,
Года расходятся кругами!
В каком году, в каком году
Все это было с нами?

(Из моей песни)

Состоявшийся вариант

Есть среди снимков в этой книге один неприметный, любительский: в перешитой шинели и блатной ростовской кепочке стою на палубе парходика, плывущего по Тихому Дону. Найдите его сразу, не мешкая, и потом продолжайте чтение. 1947 год. Конец апреля, шолоховские места. Мне двадцать три года, я полон надежд и планов, просто здоровья, впереди — вся жизнь с ее тысячей вариантов. Я только что простился со случайной любовью, молоденькой казачкой, которая почему-то, наверное, нарочно для меня, жила одна в огромном доме у самого дебаркадера «Багаевская», и парходик, как всегда на реке, плевал на расписание и запаздывал часа на четыре, и дошлепал до нас уже под утро.

Итак, стою на палубе после бессонной ночи, полной объяснений в вечной любви, слез и поцелуев. Любовь была неловкой, застенчивой («мы же почти незнакомы!»), как следствие разговоров — ну, до чего могут договориться двое двадцатилетних — мальчик и девочка — на рассвете теплого апреля месяца, когда познакомивший их друг сладко сопит в соседней комнате пустого казачьего дома? И парходик хоть и опаздывает, но вот-вот загудит у причала и скорее всего разлучит их навсегда?

Впереди — предмайские хлопоты, плыву в столицу моей юности, город Ростов-на-Дону. И предстоит: а) целая счастливая жизнь, б) получить и истратить денежки за написанные мелом на клею по красной бязи два десятка первомайских лозунгов — традиционный заработок студента архитектурного факультета и в) вообще предпраздничная суета в связи с 1 Мая. Был такой красный день календаря — «Боевой смотр международной солидарности трудящихся».

Сейчас рука с трудом выводит эти черт-те кем придуманные торжественные слова, а тогда 1 Мая гремели по всей стране духовые оркестры, на трибунах, наскоро сколоченных, стояло мордатое начальство с красными бантами, а мы топтались, построившись в колонны, с искусственными цветами, под песни Леонида Утесова и Изабеллы Юрьевой. Фантасмагория! И где-то рядом с этими построенными колоннами прохаживался и посмеивался Мессир Воланд, наш будущий знакомец — он еще лежал в столе у Елены Сергеевны Булгаковой.

Мы были с Никитой Буцевым в гостях у его родителей. Просто так, на несколько дней вырвавшись из голодной студенческой жизни живущего по карточкам города, — в рай хлебосольного дома: отец Никиты много лет заведовал продуктовым магазином «Рыбкоопа» в станице Багаевской. Можно представить, как принимали в казачьем доме единственного сына!

Вы знаете, что такое каймак? Это собранные вершки с топленого молока, розовые, с коричневой корочкой. Это — среди всех молочных деликатесов — как небоскребы рядом с хрущевскими пятиэтажками. Так вот каймак в глечиках вносили и вносили из погреба к завтраку. А к обеду был казачий борщ с курицей (лучшая уха — из петуха!) и жареный сазан, да еще с жареной же сазаньей икрой — тоже небоскреб среди рыбных шлягеров!

А днем на мотоцикле мы ездили ловить, а потом варили раков — огромных зеленых речных ихтиозавров нашего времени. А вечером женихались, неуклюже ухаживая за местными девицами, под семечки, столичные кавалеры из города Ростова-на-Дону. Одно из знакомств вам уже известно, как закончилось. Короче говоря, для описания этого холидея нужно перо нашего Николая Васильевича Гоголя или, в крайнем случае, ихнего Марка Твена.

Значит, стою на палубе парохода, с еще не остывшими поцелуями на губах, отвечаю гудками на гудки встречных суденышек, полон раздумий о ближайшем и дальнем будущем, обещавшем этому молодому человеку с боевыми орденами и медалями миллион вариантов. Один другого заманчивей.

Во-первых, закончить институт, послать к черту и забыть весь этот сопромат и начертательную геометрию с ее эпюрами, получить диплом с отличием, с перспективой стать главным архитектором Москвы. Ну кто же в двадцать три года согласится на меньшее?

Во-вторых, совсем непонятно, что стихам, которые пишутся с детства, грош цена в базарный день, но видится свой двухтомник, почему-то в синем переплете, на полках городской библиотеки, где-то рядом с Твардовским — на «Т». Вот вам и еще один вариант: Михаил Лермонтов!

А мечта надеть майку футбольного ЦДКА, да не какую-то, а именно с номером «9», чтобы рядом с Федотовым мелькать на поляне и в отчетах о матчах в газете «Советский спорт»! Короче говоря, мечты не имеют границ ни в пространстве, ни во времени, ни в подвинутом разуме.

Помните? Были последние числа апреля 1947-го года. А на 30 апреля судьба заказала мне совсем другой, к сожалению, сбывшийся вариант. Уже было закончено оперативное следствие по политическому делу трех студентов, которое Ростовская госбезопасность холила и пестовала почти что целый год. Фотографировали этих шпионов своими длиннофокусными аппаратами с другой стороны улицы, а как же? Надо же было выявить все их тайные связи!

Некоторые из моих студенческой поры снимков я потом, читая наше пухлое дело, видел в длинном конверте, прилепленном к папке, как вещественные доказательства нашей антисоветской деятельности. Только сделаны они были из-за спины нашего фотографа их умельцем и были размером два на восемнадцать, представляете? И наш фотограф тоже был зафиксирован и мог впоследствии разделить наш срок на лесоповале. Слава Богу, его пощадили.

А связи здесь были простые — бутылка водки, разлитая в пивные кружки в знаменитой пивной на Богатыновском. Но уже было заготовлено место на полу в тюрьме на том же Богатыновском. И уже подшиты все доносы, вызваны все свидетели, которые «на забоюсь» подписали им что угодно.

И уже был переломлен мой позвоночник на шесть лет, а потом и навсегда, только я не знал об этом, стоя на палубе

пароходика, плывущего из станицы Багаевской в город Ростов-на-Дону. Навстречу тому единственному состоявшемуся варианту моей жизни, о котором я и попытаюсь рассказать вам в этой книге.

Конец подписи к фотографии.

Был хлеб богатыновский горек,
Совсем уж не хлеб, а припек,
Но пайку в прогулочный дворик
Таскал я с собою, как срок.
И мы по квадрату ходили,
А там, за колючей стеной,
Сигналили автомобили
У той знаменитой пивной.
И память моя отобрала
Знакомое до мелочей —
Прогулочный дворик централа
И звон вертухайских ключей.
Зароется в папки историк
И скажет про те времена:
Прогулочный дворик,
Прогулочный дворик —
Такая большая страна.

Человек за бортом

Зачем пишу-то? А кто бы знал! Смутили, соблазнили
небольшими деньгами — в большие бы не поверил,
это всегда обман, у меня их и не было никогда, озада-
чили.

— Ты повспоминай, жизнь твоя — это ж радуга! Ну
попробуй — строчечка за точечкой...

Да уж, радуга: все семь цветов — черные!

И вот я согласился, заточил угольки, загрунтовал про-
странство, кисти помыл. А чего писать, не придумал.

Свой портрет на фоне времени? Кому я нужен? А если
о своем времени? О моем ведь только я и могу!

Так появились первые мои иероглифы прозой, раньше
всё в столбец, с малолетства.

Это как вообще-то делается? Выдумывается герой,
и ведет его, придуманного, автор по знакомым своим ули-
цам и городам. Или же сам путешествует по выдуманным
странам и временам.

Откапали, отморосили
Годов обложные дожди,
Теперь я и вспомнить не в силе,
Что пели мы, что мы носили,
Чем жили мы там позади.
Какие случались ошибки,
Пока этот дождь моросил,
И у золотой моей рыбки
Каких я подарков просил?
Давно уже леший не бродит,
Русалки у берега нет,

И опыт к нам долго приходит,
Со скоростью прожитых лет.

Так, слово за слово, и покатился Миша по нестойкому таганрогскому снегу на лыжах, кое-как зацепившись палкой за борт проезжей полуторки, одного опасаясь — как бы не остановился и не надавал по шее дядька-шофер. А за что, собственно? Снег был теплый, но была, была зима в Таганроге!

Завещание

«**П**ришла пора и нам иметь воспоминания о том, с кем был и с кем расстался впопыхах, слетел с небес неясный ангел покаяния на не умеющего каяться в грехах». Это из моей малоизвестной песни.

Но с чего-то же они начинаются, воспоминания! А вот с чего.

Балансирую на канате,
Надо мной — дырявенький зонт,
Я, как солнышко на закате,
Скоро скроюсь за горизонт.
Мне всё чаще бывает плохо,
В сердце — острый блеск ножевой!
Но тебе обещаю,
Что буду живой
До последнего вздоха.

Вот такое оптимистическое размышление! А после — надо вызывать духовника и нотариуса. И — «находясь в здравой памяти, в присутствии нижепоименованных»...

Клиническая смерть! Вся-то жизнь вспыхивает одномоментно на экране черно-белого немого кино, куда мы просочились без билета.

Кино, в котором я — и герой-любовник, и злодей, и все двулико, как полицейские и воры.

Кино, а также книги и картины, и всё в искусстве и около бывает всего двух видов: художественно и нехудожественно. Город Таганрог, малая моя родина, город художественный. Заложный Петром Первым во время Азовского похода строго

по плану, наподобие маленького Санкт-Петербурга, а не как сивка-бурка вывезет — он еще помнил, перед тем как мне появиться на свет, шагавших по тротуарам белогвардейцев. По Елизаветинской, по Екатерининской. Простые, как династия, названия! Николаевская совсем не то, что улица Фрунзе. А потом красноармейцев, эти, мне кажется, шагали строем по мостовой. И пахло махоркой.

Улицы одним, а переулки обоими своими концами спустились к морю, полному рыбы, парусов и больших пароходов. Впрочем, как говорится, и деревья были большими.

А по замерзшему зимой заливу бегали мальчишки на самодельных коньках, привязанных чем попадя к буркам и валенкам. И ветер гнал буера — парусники на салазках, я таких после нигде не видывал — сгнули в моем разноцветном, в духе Кустодиева и Юона, детстве!

Я, как солнышко на закате,
Скоро скроюсь за горизонт.

Скорей-скорей, перо! Клиническая смерть — это еще не конец, и есть надежда разглядеть с высоты лет поля Аустерлицких баталий!

Паруса. Сирень. Акации.
Сине море — под горой!
В городской мультипликации
Я — рисованный герой.
Я сажусь верхом на белого
Карусельного коня,
А уж в Руре мина сделана
Персонально для меня.